
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.

OCR Бычков М.Н.

I

Был у меня один приятель, человек души уязвленной и ума исступленного.

Был он весьма талантлив и не так еще давно написал книгу, вызвавшую большой и даже необыкновенный шум. Многие узрели в нем пророка, многие безнравственного мерзавца и только некоторые – человека глубочайшей иронии. Вряд ли не я один понял, что книга эта (кстати сказать, характера мрачного и даже нигилистического в глубочайшем смысле этого слова) была просто криком сердца измученного, души изверившейся, разума, смеющегося над самим собою.

Я не вполне знаю его биографию. Известно только, что родился он где-то в захолустном городишке, в семье мелкого чиновника, детство провел болезненное и заброшенное, ибо матери лишился что-то очень рано и остался на руках няньки, совершенно простой бабы из солдаток, которая к тому же любила выпивать не в меру.

Каким образом у него появилось это непомерное, можно сказать, трагическое самолюбие и мечты о власти необычайной, сказать трудно, принимая во внимание наследственность мелкого чиновника, бедность, заброшенность и воспитание няньки, солдатки и пьяницы.

Не менее трудно определить, откуда явилась непобедимая пытливость ума; склонность к мечтаниям, незаурядная воля и талантливость натуры вообще.

Надо сознаться, что мы еще очень далеки от проникновения в подлинные тайны человеческого я.

Трудность же анализа даже для меня, человека... Впрочем, это все равно... трудность анализа усугублялась тем, что он не любил и даже не умел рассказывать о себе. Как-то так выходило, что во всем его детстве не было ничего замечательнее любви к дворовым собакам и первой книги, прочитанной им лет семи от роду, а именно – сочинений Марка Твена.

Несколько раз, правда, он рассказывал при мне один эпизод, случившийся в год смерти матери, когда ему было не больше двух лет, и рассказывал даже с большим удовольствием... Но я никак не мог понять, чем замечателен этот случай и какие выводы на нем можно построить.

Желая быть объективным, однако, эпизод этот воспроизведу, хотя, повторяю, не вижу в нем ничего достопримечательного.

Дело было так: в яркий солнечный день мальчик этот, двух лет от роду, сидел где-то на дворе и мыл в луже свои собственные штанишки; жил же в их дворе какой-то отставной и выживший из ума профессор, длинный и сухой немец, всегда ходивший в длиннейшем черном сюртуке; оный немец наткнулся на мальчика и спросил его:

– Что ты делаешь? Малыш, маленький малыш?

На это мальчик весьма рассудительно и солидно объяснил, что моет он свои штанишки, так как мамы у него нет, и если он сам о себе не заботится, то так и будет ходить в грязных штанишках.

Тогда немец тяжело вздохнул, кряхтя полез в задний карман своего бесконечного сюртука, вытащил длинный фуляровый красного цвета платок и приложил к глазам. Потом погладил мальчика по голове, сказал:

– Бедный малыш!

И отошел...

Вот и весь эпизод! И я, ей-Богу, не понимаю, какой может быть в нем особый смысл, чтобы рассказывать его с таким многозначительным наслаждением.

О последующей его жизни знаю уже совсем мало. Знаю только, что гимназии он не кончил, шалуном и драчуном был отъявленным, с явным стремлением вечно быть вождем, чем главным образом и объяснялись все его выходки, иногда для детского возраста даже и совсем нелепые.

Так, например, будучи в пятом, кажется, классе, идя однажды ночью по полю, усмотрел он огромную вывеску с надписью: место для свалки навоза. Немедленно оторвал он огромную доску от столба, с величайшим трудом притащил в город и прибил на воротах городского кладбища... Зачем?... Неизвестно!..

По выходе из гимназии куда-то отправился учиться живописи, где-то голодал, едва не сделался шулером, зарабатывал на жизнь, рисуя увеличенные портреты и карикатуры в уличных листках, и вдруг неожиданно всплыл на верха